

Стефано Гардзонио

Константин Большаков и Вадим Баян

НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ТЕМЕ

Я познакомился с Н.А. Богомоловым на международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940-е годы» (Москва, 8–12 сентября 1993 г.). В первой же беседе выяснилось, что у нас общие интересы — стиховедение, русское зарубежье и поэзия русского модернизма. Именно тогда Николай Алексеевич подарил мне изданное им в 1991 году собрание произведений поэта-футуриста Константина Аристарховича Большакова. Подарок не случайный, так как мы сразу стали говорить о второстепенных представителях русского футуризма, и я признался, что еще в 1975 году, будучи стажером в МГУ, сидел целыми днями в Ленинке, переписывая сборники русских поэтов-футуристов в общей тетради, и именно Большаков, не без влияния рассказов Н.И. Харджиева, вызывал у меня особый интерес. Николай Алексеевич своим спокойным голосом, я бы сказал, патриархального тона долго рассказывал о своих разысканиях и научных проектах. И так бывало всегда при наших встречах в России и за рубежом (мы говорили о Вяч. Иванове, Кузmine, Фиолетове и южнорусской школе поэзии и т.д.), в последний раз — в Вене в декабре 2019 года, когда он предложил прислать мне записи из дневника И.Н. Розанова, касающиеся пребывания его во Флоренции.

Особенно важны были для меня беседы о К.А. Большакове, которым я занимался. Н.А. Богомолов внес значительный вклад в изучение жизни и творчества Большакова. Он подготовил самое полное собрание стихов и прозы Большакова и написал обширную статью о его творчестве¹. О прозе Большакова писали и позже, в то время как о его поэзии, если не учитывать классических трудов Н.И. Харджиева и В. Маркова², мне известны лишь работы Ю.Л. Минутиной и еще несколько статей, лишь частично касающихся творчества Большакова³. Правда, есть еще несколько работ об отношениях Большакова с дру-

-
- 1 *Большаков К.А.* Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова: Роман; Стихотворения. М., 1991 (именно эту книгу Н.А. Богомолов мне подарил при знакомстве). Предисловие переиздано под измененным названием: Константин Большаков, поэт и прозаик // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 168–187. О Большакове см. также: *Гельперин Ю.М.* Большаков Константин Аристархович // Русские писатели 1800–1917: биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 308–309.
  - 2 См., например: *Харджиев Н.И.* Полемиическая шутка Маяковского // Харджиев Н.И. От Маяковского до Крученых: избранные работы о русском футуризме. М., 2006. С. 354–356; *Markov V.* Russian Futurism: A History. Los Angeles, 1968. P. 172–175, 257–259. Харджиев установил также, что Большаков использовал псевдоним Антон Лотов; см.: *Харджиев Н.И.* От Маяковского до Крученых. С. 66.
  - 3 *Минутина Ю.Л.* Традиция символизма в ранних стихотворениях К.А. Большакова // *Littera Scripta: сборник научных трудов молодых филологов.* Рига, 2010. Вып. 7. С. 145–150; *Она же.* Нарушение синтаксических и грамматических норм в поэзии

гими поэтами (в частности, с Пастернаком, в связи с деятельностью футуристической группы «Центрифуга» и относительно оценки поэзии Большакова в «Охранной грамоте»)⁴, но многое остается пока не изученным, и до сих пор не выпущено академическое издание его поэтического наследия.

В настоящей статье я остановлюсь на взаимоотношениях Большакова с Вадимом Баяном.

В неизданном памфлете Вадима Баяна «Мой конфликт с Маяковским»⁵ читаем:

Моя родина — Крым. По шуточному предложению Маяковского Крым следовало бы переименовать в Баянию, как постоянную резиденцию Баяна. Когда советские войска заняли Крым, я жил в Севастополе. Политическое управление Реввоенсовета Черноморского флота немедленно пригласило меня для организации литературной студии при клубе красных моряков имени тов. Шмидта и для заведывания ею. Я организовал студию, в которой сам читал лекции по формальной

Константина Большакова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб., 2010. Вып. 124. С. 211—217; *Она же*. Лирика Константина Большакова: «Поэтика синтеза»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. Стихи К.А. Большакова представлены в некоторых антологиях, например: Поэзия русского футуризма / Сост. и подгот. текста В.Н. Альфонсова и С.Р. Красицкого. СПб., 1999. С. 414—431; Русский футуризм: стихи, статьи, воспоминания / Сост. В.Н. Терехина, А.Н. Заменков. СПб., 2009. С. 273—278. Роль Большакова в русском авангарде описана А.В. Крусановым в капитальном труде: *Крусанов А.В. Русский авангард: 1907—1932: Исторический обзор*. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1—2. М., 2000 (см. по указ.).

- 4 См., например: *Флейшман Л.* Фрагменты футуристической биографии Пастернака // *Slavica Hierusalimitana*. 1979. Vol. IV. С. 79—113; *Иванов Вяч.Вс.* К истории поэтики Пастернака футуристического периода // «На меже меж голосом и эхом»: сб. статей в честь Т.В. Цивьян. М., 2007. С. 9—30.
- 5 У данного текста существуют многочисленные редакции и варианты. У меня хранится машинопись, которая сопровождается указанием «Москва. Сентябрь 1958 г.». От руки помечено: «Правочный экземпляр». Передана была она мне в начале 1990-х годов литературоведом и переводчицей с итальянского З.М. Потаповой (1918—1994). О В. Баяне (В.И. Сидоров) см.: *Аброскина И.И.* Баян Вадим // *Русские писатели. 1800—1917*. М., 1989. Т. 1. С. 192. После этой словарной статьи появилось несколько публикаций, посвященных наследию В. Баяна; см., например: *Письма Вадима Баяна к Б.В. Смиренскому* / Публ. А.Л. Дмитренко, А.В. Крусанова // *Минувшее: истор. альманах*. М.; СПб., 1998. Вып. 23. С. 345—380; *Из материалов к биографии Вадима Баяна: письма к Федору Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской* / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. А.В. Крусанова и Т.В. Мисникевич // *Русская литература*. 2010. № 1. С. 161—182. Это демонстрирует растущий интерес к его личности, что подтверждает недавняя работа о его рекламных технологиях и о его деятельности в годы утверждения русского футуризма: *Соболев А.Л.* Вадим Баян и рекламные технологии // *Литературный факт*. 2018. № 9. С. 170—196 (возражения на эту работу и тщательную реконструкцию истории появления псевдонима см.: *Кацис Л.* Три кризиса: Заметки читателя историко-философской и конструктивистской литературы: Чичерин, Пастернак, Каменский, Баян, История // *Ostkraft: научное обозрение*. 2019. № 5. С. 136—215). О деятельности В. Баяна в Крыму см.: *Обвалы сердца: Авангард в Крыму* / Сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. [Б.м.]: Salamandra P.V.V., 2011. (Электронное издание). О поддержке Баяном молодого Бориса Поплавского см.: *Бурмистров К.* Альманах «Радио» и дебют Бориса Поплавского // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 155. С. 411—419. О Баяне в Крыму см. также: *Гардзонио С.* Письмо Э.Л. Миндлина В.И. Сидорову (В. Баяну): еще о литературной Феодонии // *Гардзонио С.* Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006. С. 167—171.

поэтике и новейшей литературе, а профессор Шпажинский — по истории литературы⁶. Студия стала видным и даже популярным литературным центром в Севастополе. Кроме многочисленных студийцев-моряков, студию охотно посещали и почетные гости, как местные литераторы, так и приезжавшие из Москвы и Петрограда писатели и поэты — Степан Щипачев, Артем Веселый, Константин Большаков и другие. Константин Большаков с момента занятия Крыма был назначен комендантом города Севастополя, и этим сильно располагал меня к себе политически. Он стал бывать у меня буквально каждый день на протяжении полтора лет.

— Я у вас отдыхаю душой, — говорил он. — Это единственный дом, где свежий воздух и где можно говорить на родном литературном языке.

Однако, когда он посматривал на мой портрет, написанный Маяковским, да еще с надписью «В знак истинного расположения», висевший на стене, на лице у него отражалась горечь зависти, а когда он развернул альманах «Радио», в котором был напечатан этот портрет, но без подписи, а только с подписью Маяковского, он сказал:

— Будь я на месте Маяковского, я бы вас любил за опубликование портрета.

— Так вы же завистливы, — шутя, подколот я, — а Маяковский подарил мне портрет от всей своей широкой души, в знак истинного расположения. Пиша портрет, он знал, что в моем доме его будут видеть сотни, а может быть и тысячи лучших людей общества и что в конце концов его сфотографируют корреспонденты газет и журналов и опубликуют в печати. Ведь каждый штрих, сделанный Маяковским, будет на виду у всей страны.

В июне 1922 года Большаков уехал в Москву, а в сентябре туда переселился и я. Большаков стал бывать у меня и в Москве. Собеседник он был культурный и осведомленный...⁷

Данное свидетельство освещает некоторые детали биографии Большакова за годы Первой мировой и Гражданской войн, в которой до сих пор есть лакуны. Именно заполнением их занимался Н.А. Богомолов, который, тщательно изучая биографическую информацию о 1916—1918 годах, когда Большаков служил в царской армии, пришел к следующему выводу: «Вместо доблестного воина сначала Первой мировой войны, затем войны гражданской (на стороне красных), храброго кавалериста и в конце концов заметного командира мы видим деятельного уклониста, лишь в конце 1916 г. попавшего в армию, но осевшего вдали от фронтов и ведшего преимущественно гражданский образ жизни. Во всяком случае, так было до конца 1918 г. Потом, возможно, он на самом деле оказался где-то в действующей армии, но ровно никакой информации об этом мы не имеем, почему склонны следовать максиме: “Единожды солгавши, кто тебе поверит?”»⁸

После демобилизации в 1922 году Большаков почти бросил писать стихи и перешел на прозу. Следовательно, его поэтическое наследие ограничено в основном 1913—1922 годами. Приведу некоторые данные о его поэзии.

6 Скорее всего, имеется в виду Юрий Ипполитович Шпажинский (1872—1940) — художник и педагог. В 1920-е годы он жил в Севастополе и преподавал в художественной студии.

7 Баян В. Мой конфликт с Маяковским. Машинопись. Л. 1—2.

8 Богомолов Н.А. Константин Большаков на военной службе: еще раз о проблеме // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 418—419. См. также: Он же. Большаков на войне // Русский авангард и война. Белград, 2014. С. 105—121.

Константин Большаков начал свою поэтическую карьеру в качестве «лучиста», издав первый сборник стихов («Le futur» (1913), с иллюстрациями М. Ларионова и Н. Гончаровой)⁹. В том же году он выпустил второй сборник («Сердце в перчатке») в издательстве «Мезонин поэзии». Не без влияния поэзии Михаила Кузмина («культ мелочей прелестных и воздушных») Большаков создал свой оригинальный поэтический стиль, который В. Марков соотносил с общей линией «футуристического дендизма» «Мезонина поэзии»¹⁰. В 1914 году он примыкал то к гилейцам, то к группе «Центрифуга» и печатался соответственно в альманахах кубофутуристов и в сборниках «Центрифуги». Дружил с Шершеневичем, Маяковским и Пастернаком. В то же время его стихи публиковались во многих нефутиристических журналах и изданиях. Вскоре Большаков пережил творческий кризис. В 1916 году он выпустил сборник «Солнце в излете» и «Поэму событий», где явно ощутимо влияние Брюсова, Маяковского, Северянина, Шершеневича и др. В том же году был объявлен выход другой книги его стихов, «Королева Мод», но она, судя по всему, не выходила из печати¹¹.

Поэтическая продукция Большакова революционной эпохи освещена слабо¹². Следовательно, появившиеся в Крыму тексты представляют собой особый интерес, хотя и свидетельствуют о постепенном отходе писателя от поэзии. Позднее Большаков писал исключительно прозу. Известно, что рукопись не вышедшей книги стихов 1920 года «Ангел всех скорбящих» рецензировал В.Я. Брюсов¹³ и несколько текстов из нее появились в изданных в Крыму В. Баяном альманахах. В альманахе «Срубленный поцелуй» есть такое объявление: «Госизд<ат> в Москве выпускает “Ангел всех скорбящих” Константина Большакова (3-я кн. стихов) и “По следу дня” (4-я кн. ст.). В журнале “Маковец” печатается его повесть “Земная смерть”»¹⁴.

-
- 9 Н.А. Богомолов первым усомнился в том, что приписываемый Большакову в упомянутой выше статье Ю.М. Гельперина и в каталогах библиотек сборник «Мозаика» (М., 1911) написан им (см.: *Богомолов Н.А.* Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. С. 170). В самом деле, как установила Ю.Л. Минутина (*Минутина Ю.Л.* Лирика Константина Большакова: «Поэтика синтеза»: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011), автор сборника — его однофамилец Константин Николаевич Большаков (Константин Вольный). Данное авторство подтверждено в кн.: *Турчинский Л.* Русская поэзия XX века: Материалы для библиографии. М., 2013. С. 16.
- 10 *Markov V.* Op. cit. P. 175.
- 11 В библиографическом указателе А.К. Тарасенкова и Л.М. Турчинского «Русские поэты XX века 1900—1955» (М., 2004. С. 127) книга числится среди книг К.А. Большакова с такими данными: Королева мод: Лирич. диалоги. М.: Пета, 1916. 102 с. С другой стороны, в издании романа Большакова «Бегство пленных...» (2-е изд. Харьков, 1930) сказано, что сборник издан в 1917 году. Но, так или иначе, эту книгу пока не удалось обнаружить.
- 12 Правда, что недавно опубликована роспись газеты «Жизнь», где зафиксированы появившиеся там стихотворения К.А. Большакова: Газета «Жизнь» (1918): роспись литературных и историко-культурных материалов / Сост. Н.А. Богомолов и И.В. Сергеев; вступ. заметка Н.А. Богомолова) // Новое литературное обозрение. 2020. № 164. С. 401—410.
- 13 См.: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 244.
- 14 Цит. по: Обвалы сердца: Авангард в Крыму. С. 117. Что касается повести «Земная смерть», то она была объявлена еще в сборнике «Поэма событий» (1916), но и в журнале «Маковец» не публиковалась, там было помещено стихотворение Большакова «Зори» (1922. № 1, ч. 1. С. 25).

По поводу неосуществленного выпуска сборника «Ангел всех скорбящих» Н.А. Богомолов недавно писал:

Константин Аристархович Большаков (1895—1938), по воспоминаниям, обладал редкостным даром фантазии, почему бывает непросто различить, где у него правда, а где вымысел. В реальности это означает, что мы достоверно не знаем о его делах и даже местопребывании после закрытия «Жизни» и до 1922 г., которым он датирует свою демобилизацию из Красной армии с должности начальника крепости «Севастополь». 12 октября 1922 г. письмом в Госиздат он отказался печатать свою книгу, которая уже была оплачена по высшей ставке: «Прошу возвратить мне рукопись книги стихов “Ангел всех скорбящих”, оплаченную в 1921 (летом) и до сего времени неизданную. Издание ее в настоящее время и тем более позднее для меня с художественной стороны представляется совершенно невозможным»¹⁵.

Интересна информация в альманахе «Срубленный поцелуй» о том, что у Большакова готовилась еще одна поэтическая книга, «По следу дня», о которой ничего не известно. Кроме того, удивляет факт, что Большаков определяет новые сборники как третью и четвертую книги. Очевидно, поэт не учитывал свои первые две юношеские книги — «Le futur» и «Сердце в перчатке».

Рассмотрим подробнее, какие тексты Большакова появились в крымских изданиях. Известно, что в издательстве «Таран» под редакцией В. Баяна вышли следующие коллективные сборники: «Радио» (Александровск, 1919; 2-е изд. — Севастополь, 1920 или 1921), «Обвалы сердца» (Севастополь, 1920); «Пьяные вишни» (Харьков; Одесса; Феодосия, 1920; 2-е изд. — Севастополь, 1920), «Срубленный поцелуй с губ вселенной» ([Севастополь], 1920) и «Из батареи сердца» ([Севастополь], 1922)¹⁶.

Стихи Большакова появились в альманахах «Срубленный поцелуй» и «Из батареи сердца». Стоит отметить, что, скорее всего, благодаря помощи Большакова Баяну удалось получить должность при новой власти и стать руководителем литературной студии Центрального показательного клуба в Севастополе. Не случайно 22 апреля 1922 года Баян выступил с речью о поэзии Большакова. Внимания заслуживает также факт, что в упомянутом альманахе «Срубленный поцелуй» напечатана статья Марии Калмыковой (сестры Баяна) «Литературные острова. Десять лет», в которой читаем:

На горизонте нашей эпохи пять разнородных Колумбов (М. Калмыкова называет Большакова, Маяковского, Каменского, Шершеневича и Баяна. — С.Г.), открывших свои большие и малые Америки. Из стана эстетов в хрустальный рупор пропел Константин Большаков. Хрупкая песня тонкими иглами вкалывалась в сердца и размножала подражателей. Затянутый в корсеты образов, пропитанный духами эстетизма и с «сердцем в перчатке», он был соблазнитель и сделался метром. Тонкий шприц Большакова впрыснул в кровь литературы хрусталь и капризность.

15 *Богомолов Н.А.* Газета «Жизнь» (Москва, 1918) и ее сотрудники: стратегии выживания // *Rivoluzione visiva attraverso visioni rivoluzionarie: alfabeti, cinema e letteratura in URSS* / A cura di Massimo Maurizio e Vittorio Springfield Tomelleri. Torino, 2018. P. 128.

16 См.: *Шаргородский С.* Собачество вселенских катаклизмов. Вадим Баян и русский авангард в Крыму // *Обвалы сердца: Авангард в Крыму*. С. 31 и след. Относительно истории первого альманаха «Радио» ср.: Бурмистров К. Указ. соч.

Впетличив в сердце гвоздичной крови,
Синеозерит усталым взором бульвар.

Новый уклон Большакова — в сторону мудрости и рассуждений. Это красиво, но опасно. Нужно много силы, чтобы перешагнуть через трясину маразма и не «охрипнуть» от низкой температуры¹⁷.

В альманахе «Срубленный поцелуй» напечатано стихотворение «Перчатки», а в другом сборнике, «Из батареи сердца», представлены четыре: два из цикла «Ангел смертельный», а также «Ночь» и «Был полог...».

В последующие годы Баян и Большаков виделись в Москве и, по мнению Баяна, Большаков сыграл важную роль в полемике Баяна с Маяковским. Читаем дальше в рукописи «Мой конфликт с Маяковским»:

В годы развернутой самокритики, когда наши писатели не стеснялись всю критикувать Маяковского, который и сам больше всех рубил других направо и налево своей размашистой рукой, склоняясь «оглушать... трехпалым свистом в бабушку и в бога душу мать», я, как сторонник нравственности и порядка в литературе, однажды по-приятельски побеседовал с Большаковым о погрешностях Маяковского в ранних стихах против нравственности, как, например: «Я люблю смотреть, как умирают дети», «Дайте любую красивую, юную... изнасилую и в сердце насмешку плону ей», «Богоматерь... дай, чтобы... мальчики стали отцами, а девочки забеременели» и так далее; высказался и о литературных ошибках Маяковского. Например:

Если ты порвал подряд
Книжицу и мячик,
Октябрюта говорят:
Плоховатый мальчик.

Отсюда выходит, что если бы он порвал имущество не подряд, а, скажем, до обеда — книжицу, а после обеда — мячик, то, по мнению автора, он уже был бы «хороший мальчик».

— Нельзя, говорю, — детям предлагать стихи с недоделками. Литературный техник обязан отточить в стихах каждую деталь.

Отметил неразбериху в стихотворении «Наш марш». Он говорит: «Медленна лет арба», а чуть ниже — «Лет быстролетным коням».

— Чему же верить, — спрашиваю, — медленности лет или быстролетности их?

Учтя неоправданное зазнайство Маяковского из области литературного вождизма и ошибочный уход в сторону беспочвенного ЛЕФа, от которого ему впоследствии пришлось всенародно отказаться, я, как теоретик литературы и, в частности, стихосложения, «невзирая на лица», с большевистской прямоотой дал в беседе краткий, но откровенный и правдивый анализ его сырой статье «В мастерской стиха» (впоследствии «Как делать стихи»). Говорю из классика:

— «Как ты будешь жожаком, коль сам с дорогой не знаком?» Ведь недоучка же наш Владимир Владимирович... из пятого вышибли класса, а берется учить молодежь, как писать стихи: никакой теоретической подготовки. Одна только дерзость: «Я над всем, что сделано, ставлю нигиль, никогда ничего не хочу читать», а берет на себя роль профессора. Можно ли сказать, что его статья — это научно обоснованный трактат? Ни в какой мере! Это — всего лишь вереница шквалов,

---

17 Цит. по: Обвалы сердца: Авангард в Крыму. С. 99.

разносящих в пух и прах тысячелетние достижения культурных народов в области формальной поэтики и ничего не дающих взамен; иначе говоря, это просто дерзкие наскоки лихача-самородка или, еще проще, — кустаря-одиночки на вековые и трудные изыскания целого коллектива теоретиков культурного мира <...>.

Я похвалил его призывы выполнять социальный заказ и приемы, освежающие поэтическую речь, но я решительно возразил против руготни ради руготни. Почему, восставая против «подохших» размеров, он дышит «подохшим» воздухом, ест «подошедшую» пищу, наслаждается «подохшим» способом? Его болезненные страсти к руготне я квалифицировал как патологическое явление.

Высказался также и по поводу того, что Маяковский, не зная теории литературы, не имел понятия о литературных жанрах (в строгом виде), каковыми являются эпический, лирический, юмористический и сатирический. И в самом деле: ведь его творчество, откровенно говоря, представляет собой конгломерат жанров: тут и куски лирики и куски юмора, и куски сатиры и куски эпоса, а единого, цельного — ничего. Я с благоговением признаю, что творения Маяковского в большинстве своем актуальны, очень горячи и заражают силой своего накала, и от всей своей грудной клетки ХВАЛЮ его гениальную способность ярче всех и глубже всех чувствовать явления жизни и природы и в компактных выражениях давать золотое сырье (хотя и бесформенное), граммы которого ценнее, чем целые тонны словесной руды примитивных писателей, облеченной в самые блестящие поэтические формы. Но считаю, что его строки, написанные без размера, без ритма, с точки зрения теоретика формальной поэтики представляют собой не более как рифмованную прозу, раек, ПОЛУФАБРИКАТ стихов¹⁸.

Не будем комментировать мнение Вадима Баяна о Маяковском, но в памфлете крымского барда описана любопытная бытовая сцена, касающаяся его отношений с Большаковым. Дальше читаем:

Обо всем этом я говорил Константину Большакову с поэтическим жаром. Большаков встал.

— Ну, мне пора идти. Не одолжите ли вы мне пятьдесят рублей? Крайне нуждаюсь.

У меня в этот день не было денег, и я ответил, что не могу.

— Ну, тогда я пойду к Володе (т.е. к Маяковскому), может быть у него разживусь, — многозначительно заявил он.

Меня прострелила мысль о недобрых последствиях оборота. Но денег у меня действительно не было. Большаков ушел и унес с собой огромный заряд, который в любой момент мог взорвать мою литературную судьбу, тем более что фантазер Бурлюк, уверяя мир, что «в животе колышется подстриженная травка», заодно написал в американских газетах, будто я крымский помещик (не имея для этого никакого основания, а по одному только своему личному предположению).

Между тем бывшие мои студийцы разлетелись по всему Советскому Союзу, а их было немало — 240 человек — из которых самые активные впоследствии получили известность, как, например, Иосиф Ликстанов, Георгий Тарпан, Игорь Дмитриевский, Николай Алексеевский, Михаил Тихомиров и другие¹⁹. И вот, в ка-

¹⁸ Баян В. Указ. соч. Л. 2—5.

¹⁹ Имеются в виду среди них автор известной повести «Малышок» (1947) И.И. Ликстанов (1900—1955), автор романов и повестей, посвященной революции и гражданской войны на юге России Г.А. Тарпан (1890 — ?) и автор рассказов и повестей о Ленине и о штурме Перекопа Н.И. Алексеевский.

кой бы город ни приехал Маяковский для выступления, к нему, по свидетельству Большакова, со слов самого же Маяковского, неизменно подходили люди и спрашивали:

— А где товарищ Баян и что он делает?

А спрашивали они потому, что я горячо пропагандировал среди масс творчество Маяковского и буквально вдыхал в каждого огонь моего самого любимого поэта.

В результате в пьесе Маяковского «Клоп» появился непотребный и нереальный персонаж Баян, про которого автор устами парня с книгой говорит: «Он — писатель. Чего писал — не знаю, а только знаю, что знаменитый! “Вечерка” про него три раза писала. Теперь он молодежь обучает, кого стихи писать, кого танцевать и так далее»²⁰.

Не будем дальше приводить рассказ Баяна о его полемике с Маяковским, так как данный вопрос давно изучен. Тут интересно отметить, как Баян считал Большакова виноватым в ухудшении своих отношений с Маяковским, предполагая, что именно Большаков мог передать Маяковскому его суждения и критику.

Кроме того, в письме от 9 июня 1961 года литератору Давиду Марковичу Хайту (1899—1979) Баян при описании своей литературной карьеры заявлял, что ему «приходится отменить смерть или отодвинуть ее лет на 50 за работу». Он сообщал, что запланировал «титанические мемуары, самые интересные в мире» о ста писателях и деятелях искусств (великих, больших, средних, малых и крошечных), с которыми он «так или иначе соприкасался». Дальше он приводил несколько фамилий «великих» (Сологуб, Андреев, Чириков, Северянин и др.), но среди них нет ни Маяковского, ни Большакова²¹.

Как видим, мелкие детали жизненных и поэтических полемик 1920-х годов остались у Баяна живыми до 1960-х. Это, безусловно, любопытный материал литературного быта советского времени, который во всей скромности его значения интересно освещает противоречивый процесс реконструкции истории русской авангардной поэзии.

---

20 *Баян В.* Указ. соч. Л. 5—7.

21 Письмо Вадима Баяна — Давиду Хайту / Публ. Ю. Денисова // Литературные новости. 1993. № 40/41. С. 4—5.